



В СЛОВАРЕ НИЗАМИ «ТЮРОК» – ДУХОВНЫЙ ВОЖДЬ, МУДРЫЙ ГЛАВА ГОСУДАРСТВА

Продолжение. Начало см. в №14, 15.

Немаловажное место в трёхтомном издании «Низами Гянджеви», вышедшем в свет ровно 20 лет назад, занимают комментарии, автором которых является профессор Р.М.Алиев. Они раскрывают суть многих слов, неизвестных читателю, событий и явлений, описанных великим поэтом в лирических произведениях, к которым относятся касиды и газели, и пяти поэмкам, блестяще переведённых из русского язык М.Борисовичем, К.Липсиковым, А.Тарковским, И.Хатуевичем, А.Старостиным, Вс.Рожественским и другими известными поэтами-переводчиками. Хотелось бы отметить, что большую часть лирических стихов великого поэта перевёл Николай Хатуевич.

Отмечая исключительную сложность перевода Низами на русский язык и правильное толкования смысла, вложенного им в те или иные строки, Е.Э.Бертельс в книге «Низами. Пять поэм» (М., 1946, с. 21-24) в связи с этим справедливо указывал, что особую трудность представляет перевод всего того изобилия образов, которыми переполнены стихи великого поэта азербайджанского народа Низами: «Поэзия Азербайджана в XII веке пользовалась особым стилем, который условно можно назвать «орнаментальным». Характерная черта его – стремление к максимальному повышению веса каждого слова в строке путём введения многочисленных фигур, широчайшего использования игры слов, чему в значительной степени содействует полисемантичность лексики персидского литературного языка того времени. Совершенно очевидно, что весьма многие из этих фигур, особенно там, где использованы омонимы, в переводе сокращены быть не могут. Крайнее затруднение вызывает и метафорическое эпитеты, приложение которых к данному имени обуславливается вторым и третьим значением».

Как пишет профессор Алиев, естественно, столь сложный текст требует подробных комментариев. Это особенно относится к поэме «Сокровищница тайн», отличающейся чрезвычайной сложностью, затрудненным языком, насыщенным изощренными метафорами, намеками, символическими инсинуациями. В комментариях объясняются малопонятные русскоязычному читателю сравнения, образы, сопоставления, идиомаические выражения, ссылки на легенды, притчи, крамольные высказывания. В словаре включены собственные имена, географические названия, термины, а также непеврежденные слова, заимствованные из специфической лексики различных областей быта, культуры, науки, религии средневекового Азербайджана и других стран Востока, – подчеркивает автор комментариев.

**Я царей в державе мудрых мыслей ныне стал.
Повелителем пространных, шахом времени я стал.
Громко моего джанагир полководец колыхал,
Своей калам, свой стег победный я над миром водружал.**

Это строки из касиды, открывающей первый том, и с этими словами великий поэт не поспоришь. Ступая 9 веков мы читаем его произведения и восторгаемся не только мудростью великого поэта, но и его абсолютным господством над пространством и временем.

И вот первое пояснение, поднимающее завесу над жизнью в далёком средневековье. Читатель воспринимает сравнение джанагир поэта с полководцем колыхальником, как образ. Между тем из комментариев мы узнаём о том, что в старину глава охраны шаха звонил колыхальником, чтобы стража не засыпала. Кроме того, в походе специальные служители в войсках звоном колыхальников возвали о приближении шаха.

В речи семнадцатой «О поклонении и удлинении» встречаем ещё одну трактовку звона колыхальников: «Хоть богат караван, колыхальник не радует слуха». Отправление каравана в классической восточной поэзии является символом перекочева в иной мир, о чём и возвещал звон бубенца. Всякое благо имеет и свою обратную сторону, говорил поэт...

**И земля беспорочна: вздыбля, род людской широкит.
И сближене звезд пророчит смертоносный ураган.**

Здесь поэт намекает на сильное землетрясение 1139 года, полностью разрушившее Гянджу. Ту самую Гянджу, к которой он был привязан всеми фибрами своей души и своего сердца. «И если бы не это, – говорит он в «Заключении книги», – я силой своего таланта прославился бы в Персидском Ираке, который был тогда могущественным султаном».

Во второй строке бейта зашифровано предсказание астрологов, согласно которому положение планет предвещало в 1186 году конец света. Речь десятая «О ственным влиянием предсказаний астрологов», объявившая в 1176 году о том, что в результате сближения Марса и Сатурна в созвездии Весов летом 1186 года произойдет грандиозная катастрофа. Как указывает автор комментариев, многие поверили в это предсказание и даже начали готовить себе убежища. Поверили астрологам вначале и Низами: «И Земля, облезуем, сохрётся с небесных щелей». Но летом 1186 года ничего



страшного не произошло, напротив, в указанный астрологами день стояла прекрасная погода. Выходит, Низами сам был настоящим прорицателем, ибо уже в 1181 году, когда писал поэму «Хосров и Ширин», он высмеял в ней и астрологов, и их предсказания.

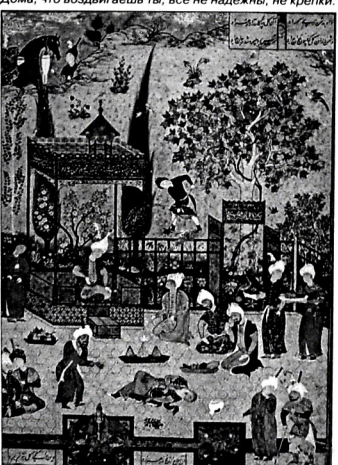
Читаю другое, очень назидательное четверостишие и запинаюсь на куске, что стубил первого на Земле чело века:

**Не лишиай подвластных хлеба, не лишиай воды поля их,
Стань оплотом воздержания, словно месяц рамазан.
От глотка Хусейн бы ожил, а кусок стубил Адама.
И на хлеб чужой не зарься, пусть длушит он и думян.**

Оказывается, по мусульманской легенде Адам, сотворенный Аллахом из глины, был изгнан из рая, за то, что отведаль пшеницы, а не под запретного дерева, как в Библии.

И строк «Крал карманчик, а стража к айру не в пору приходит», читатель узнаёт о том, что в те далёкие времена имелась такая секта «ловчих, изворотливых мужай» – айрков, которые с помощью «благородной хитрости, обрабатывали богатых, помогая обездолбиться». Выходит, айар своеобразный Робин Гуд.

**Поскольку держит Землю Бык, уравнивает на рогах.
Дома, что воздвигавшъ ты, все не надежны, не крепки.**



По представлению древних народов, Земля держалась на рогах быка, любое движение которого вызвало землетрясение. Упоминание в одной из касид о том, что пророк Давуд первым стал пастырь стада. Из комментариев мы узнаём и о том, число «пять» связано с почётным обрядом, принятым в те времена: перед дворцом царей пять раз в течение суток били в барабан...

«Вот к намрудности клоч, к тайнику сокровеннейших недр» – читаем мы во Вступлении к «Сокровищнице тайн». И чтобы не ломать голову над тем, что спрятали Низами в этих строках, заглядываем в комментарии. Оказывается, по преданию, пророк Мухаммед во время вознесения к Аллажу заметил на девятом небе величественный дворец с закрытыми дверями. Он спросил у архангела Джабраила, что это за дворец, и услышал ответ: «Это сокровищница под престолом Аллаха, и ключ к ней – язык поэтов». Из этих же комментариев мы узнаём о том, что на седьмом небе у божественного престола, под которым восседают ангелы и архангелы, растёт мифическое дерево Лотос, упоминаемое в Коране.

Учитывая, что Низами никогда не приступал к работе над тем или иным своим произведением, детально не изучив предмет повествования, можно с полной уверенностью говорить о том, что он в совершенстве знал святого книгу мусульман и все притчи и предания не только своего времени.

**Мы – бродяги твои, без тебя мы бездомны и нищи.
Носим в ухе кольцо, словно дверь в твоём горнем жилище.**

Оказывается, кольцо в ухе в те времена носили рабы. На двери (ворота) крепилось кольцо, стучом которого, в принципе, и сейчас, если не работает электрический звонок, вызывает хозяина дома. В одной из речей своей поэмы Низами вновь повторяет этот образ: «Он одевает кольцо даже в ухе тебе, небосвод!», говоря о том, что поэт способен своим искусством, сделать рабом даже небосвод. А вот, как расшифровывает автор комментариев строки

**Семь халифов блистали пред айру лампадным огнём.
Словно семь повестей, заключённых в сказание оном.**

«Поэт имеет в виду семь органов человеческого тела. Шесть органов перечислены под метафорическими названиями: красный всадник – печень; отрок – желчный пузырь; чёрный отрок – селезёнка; воины – почки; мастер засады – желудок; арка – сердце. Кроме того, по мнению Низами, вместилища самых высочайших мыслов, источник лучшими душевных качеств. Эта мысль, как указывает профессор Алиев, неоднократно развивается на протяжении всей поэмы. Так, в речи семнадцатой «О поклонении и удлинении» он говорит: «Сердце, подобно базиллику, стает щитом для горестей». Смысл бейта: от обжорства ум убывает, а благоухающее, как базилли, сердце того, кто воздержан в еде, становится щитом, оберегающим человека от напасти».

В «Глоде первого собеседования» привлекают внимание такие строки: «В ней и сахар, и соль». И тут вспомнились мне лекции светлой памяти профессора Идгата Эфендиева, который знакомил нас, студентов филологического факультета Азербайджанского государственного университета с перлами национальной литературы. Прочитав эти строки из поэмы «Сокровищница тайн», он, чуть шепеляво, сказал почти то же самое, что написано в комментариях: «Соль в персональной поэзии означала «изюминку» или «прелесть»».

Из речи шестой «О свойствах сотворённого» узнаём о том, что мускус хорошо сохраняется в кожаных мешках, а когда его перекладывают в шелковые мешочки, он начинает испаряться. Из повести о соборной охотнике и лиснице узнаём о том, что есть мясо лисницы у мусульман, считается коштунством. Так, что не только свинина под запретом.

В речи тринадцатой «О порицании мира» невольно обращается внимание на следующие строки: «Как светилых сжигай пышноцветную розу Джафара». Зачем розу-то сжигать? Оказывается, цветок Джафара – самое чистое золото. Могущественный визир халифа Харун ар-Рашида (783 – 800) Джафар Бармекид велел чеканить монеты из чистого золота. «Смысл этого и посылочных бейтов: золото – благо мира – это чистота отравы (мышьяк), не копи их, щедро раздавай», – подытоживает профессор Алиев.

В речи семнадцатой «О поклонении и удлинении» поэт называет земные блага и богатство «долготайной». Теперь об имени золотого поэта. Сумма числовых значений букв Низами составляет 1001. У Аллаха столько же имён-эпитетов.

Это символическое совпадение свидетельствует, по его мнению, о том, что он пользуется особым покровительством Всевышнего. А как же иначе объяснить поэтический дар Низами, если не Божьим!

Окончание следует.

Подготовка поэмы МЕДИНА ГАСАНОВА.

На снимках: памятник поэту в Гяндже; спор двух айру из поэмы «Сокровищница тайн». Ага Мирек, 1539–1543, тебридская школа миниатюры.